

М.Л. Малаховская

ВЫЯВЛЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Одной из актуальных задач современного переводоведения является исследование проблем, связанных с переводом интертекстов, т. е. текстов, в структуре которых существенную роль играют различные проявления диалогичности художественной литературы. Такого рода исследование возможно лишь на основе изучения внутренних механизмов, действующих в процессе перевода интертекста и определяющих «переводческий выбор, механизмы поиска, стратегии принятия решений»¹. Данная статья посвящена рассмотрению тех механизмов, которые действуют на начальной стадии работы переводчика с интертекстом, когда являясь его читателем, он выявляет и интерпретирует присущие интертексту связи с другими текстами.

Как отмечают многие исследователи, проблема интерпретации интертекста заключается в возможном несовпадении авторского и читательского восприятия интертекстуальных связей данного текста². Это несовпадение объясняется тем, что те элементы данного текста, которые в авторском тезаурусе действовали, как ключи, открывающие доступ к информации о претекстах, необязательно играют такую же роль в читательском тезаурусе. Может наблюдаться и обратная ситуация, когда в процессе восприятия текста читателем в качестве ключей срабатывают те элементы, которые в авторском тезаурусе были интертекстуально нейтральными. В результате процесс понимания и интерпретации текста пойдет не в том направлении, на которое мог рассчитывать автор. Естественно, что такое несовпадение авторской и читательской интертекстуальности наиболее вероятно в условиях межкультурной коммуникации, поскольку тезаурусы участников коммуникативного акта были сформированы под влиянием разных лингвокультур.

Итак, следует поставить вопрос, должен ли переводчик руководствоваться при работе с интертекстом теми актуальными связями с претекстами, которые открываются ему в переводимом тексте безотносительно к авторской интенции, или ему следует действовать, исходя из «авторского принципа», т. е. с позиции создателя литературного произведения³.

Решение этого вопроса определяется спецификой феномена перевода. С одной стороны, переводчик призван к тому, чтобы обеспечить возможность общения между автором и читателем в условиях межкультурной коммуникации, а это означает, что по отношению к читателю переводимого текста он занимает позицию автора, становится его «заместителем». Из этого следует, что основная задача переводчика – донести до читателя переводного текста смысл, заложенный в исходный текст его автором (имеется в виду реальный, а не «образцовый», в терминах У. Эко⁴, автор). В отношении обсуждаемой нами проблемы это предполагает работу переводчика, во-первых, по выявлению тех заимствований из претекста, которые всплывали на «табло сознания» автора в процессе создания текста, а во-вторых, над интерпретацией этих заимствований в соответствии с авторским замыслом.

Однако встает еще один вопрос: как следует переводчику относиться к тем интертекстуальным включениям, которые выявляются им в исходном тексте, но которые, по его представлению, могли не осознаваться автором? Иными словами, следует ли переводчику при интерпретации текста ориентироваться на интертекстуальные связи, функционирование которых в рамках авторского тезауруса вызывает сомнения, или же ему следует отсекалть их как случайные и не соответствующие авторскому замыслу.

По-видимому, в решении этого вопроса целесообразно исходить из следующих соображений. Какая-то часть тех связей, которые переводчик «вычитывает» в исходном тексте может быть феноменом его индивидуального сознания, т. е. объясняться теми ассоциациями, которые устанавливаются в пределах его собственного тезауруса и не имеют никакого отношения к процессам, протекавшим в сознании (и подсознании) автора в ходе создания текста. Это происходит, например, когда переводчик видит связь данного текста с претекстом, который даже не был знаком автору. По-видимому, переводчику следует отсекалть такие связи, как направляющие интерпретацию по ложному пути. Однако существует и другой вид «незапланированных» автором интертекстуальных отсылок. Речь идет о заимствовании элементов тех претекстов, информация о которых действительно хранится в тезаурусе автора, но сам факт заимствования по тем или иным причинам не фиксируется авторским сознанием и не тематизируется. Это может происходить, например, при спонтанном включении автором интертекстов-стереотипов, которые функционируют в речи как «уже готовый блок», т. е. берутся непосредственно из ассоциативно-вербальной сети⁵, а также при заимствовании такого рода элементов претекста, которые М.Л. Гаспаров назвал языковыми интертекстами (различные литературные клише, не имеющие художественной значимости⁶). Кроме того, автор может неосознанно и непреднамеренно использовать элементы претекстов, находясь «под влиянием» более ранних авторов. Естественно, что во всех этих случаях роль интертекстуальных включений совсем иного рода, чем при намеренном использовании автором «чужих» текстов. Тем не менее такая бессознательная интертекстуальность не должна, на наш взгляд, игнорироваться переводчиком, поскольку и интертексты-стереотипы, и языковые интертексты, и, тем более, различные проявления литературных влияний несут элементы тех смыслов, которые получают читатели исходного текста, т. е. несут информацию об исходной культуре и поэтому должны находить отражение в тексте перевода, разумеется, в той мере, в которой это может быть сделано средствами принимающей лингвокультуры. Таким образом, в ситуации перевода почти не оказывается несущественных, «лишних» видов интертекстуальных связей.

С другой стороны, нельзя не согласиться с теми исследователями, которые полагают, что задача переводчика – создать текст, который стал бы в рамках принимающей культуры самостоятельным произведением, а не просто заменителем подлинника⁷. Применительно к проблеме интертекстуальности это означает, что попытка воспроизвести осознанные и неосознанные авторские интертекстуальные связи переводимого текста не должна входить в противоречие с возможностью создания полноценного с информационной и эстетической точки зрения произведения в рамках принимающей культуры. В связи с этим, по-видимому, следует считать, что «интертекстуальная программа» переводчика должна быть ориентирована на такое максимально полное воспроизведение авторского «интертекстуального портрета» исходного текста, которое возможно без ущерба для создаваемого на языке перевода литературного произведения.

Говоря о выявлении интертекстуальных заимствований, необходимо затронуть вопрос чисто практического характера: каким образом переводчик может отследить заложенную автором интертекстуальную программу в случае каждого конкретного включения

из претекста? Ответ на этот вопрос кажется очевидным – ему помогает в этом его общая и лингвокультурная эрудиция. Тем не менее, нужно сказать несколько слов по поводу того, в какой момент и по какой причине в сознании переводчика (как, собственно говоря, и любого читателя) приводится в действие механизм, позволяющий ему понять, что он имеет дело с неким включением из претекста. Во многих случаях узнавание интертекстуального включения может происходить благодаря спонтанному срабатыванию ассоциативного механизма. Однако иногда такое узнавание требует осознанного герменевтического усилия. Это происходит тогда, когда переводчик сталкивается с трудностями в понимании тех или иных фрагментов исходного текста. Как пишет А.А. Залевская, при трудностях в процессе построения проекции текста реципиент переводит на уровень актуального сознания те опорные элементы и стратегии, которые он в других условиях применяет на уровне бессознательного контроля⁸. Одной из таких стратегий может быть подключение к интерпретации непонятого фрагмента элементов других текстов, которые могут выискиваться как в тезаурусе самого переводчика, так и вне его. Присутствие «интекста» может замечаться читателем в силу нарушения последовательности, связности или стилистового единства текста⁹, или же, напротив, в силу его избыточной когерентности, создаваемой двумя или более единицами, повторяющимися внутри текста без тематического обоснования¹⁰.

Однако нарушение когерентности, по-видимому, объясняет механизм выявления межтекстовых связей далеко не всегда. Этот критерий имеет объяснительную силу только в том случае, когда интертекстуальное включение является неотъемлемой частью смысловой структуры текста, «без которой текст не может существовать как оформленная смысловая единица»¹¹, а этот случай далеко не исчерпывает всех видов интертекстуального взаимодействия. Поэтому, как нам представляется, в большинстве случаев механизм выявления межтекстовой связности действует на чисто бессознательном, ассоциативном уровне, и степень распознавания интертекстуальных включений зависит преимущественно от гуманитарной осведомленности переводчика.

Итак, проведенное исследование позволило, во-первых, определить принципы, которыми руководствуется переводчик при интерпретации интертекстуальной составляющей исходного текста, а во-вторых, изучить факторы, способствующие включению ассоциативного механизма, позволяющего переводчику выявить заложенную автором исходного текста интертекстуальную программу.

¹ Казакова Т.А. К определению художественного перевода // *Studia Linguistica XIV. Человек в пространстве смысла: слово и текст*: Сб. СПб., 2005. С. 82.

² Наумов С.Л. Формализация интертекстуальных отношений в тексте. Канд. дис. СПб., 2005.

³ Денисова Г.В. Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интекста // *Текст, интертекст, культура*. М., 2001. С. 115.

⁴ См.: *Eco U. Overinterpreting texts // Interpretation and overinterpretation / Ed. U. Eco with R. Rotry, J. Culler and Ch. Brook-Rose*. Cambridge, 1996. P. 64–66; *Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах*. СПб., 2002. С. 48.

⁵ Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память перевод. М., 2003. С. 71.

⁶ См.: *Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Серия ЛиЯ*. 2001. Т. 61, № 4. С. 3–9.

⁷ Указ. соч. С. 124.

⁸ Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001. С. 64.

⁹ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. СПб., 1999.

¹⁰ Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995. С. 69.

¹¹ Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. Лингвостилистический аспект. СПб., 1996. С. 70.